

АНАЛИЗ СПОСОБОВ ПЕРЕВОДА НАЦИОНАЛЬНЫХ СЛОВ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

(На материале переводов исторического романа
Раффи «Самвел»)

Л. А. ТЕР-САРКИСЯН

Национальное своеобразие исторического романа с его сложной системой отражения взаимосвязанных и взаимообусловленных особенностей жизни данного народа в какой-либо этап его истории в некоторых случаях предполагает использование слов, обозначающих особенности быта, культуры, истории народа в этот этап его жизни.

Обозначая характерные лишь для данного народа явления, предметы и понятия, слова-реалии в художественном произведении являются лексическим средством воплощения национальных особенностей народа. Их использование вызвано стремлением автора к точному воссозданию мира материальной действительности и более яркому представлению образа через бытовую среду.

Наряду с этим в историческом романе слова-реалии, нередко будучи свидетелями утраченных реалий, могут составлять архаическую лексику, вносимую автором специально, в целях исторической стилизации.

Целью настоящей статьи является рассмотрение способов передачи архаических национальных слов армянского языка на русский в свете их лингвистических и эстетических функций в лексике исторического романа Раффи «Самвел».

Материалом для исследования послужили несколько изданий этого романа на русском языке. Роман впервые был переведен А. Н. Тер-Карапетовой и И. Эриванцяном в 1914 г. В журнале «Армянский вестник» в 1916 г. печаталась глава «Два гонца» из первой книги романа. И лишь в 1946 г. он полностью издается в том же переводе «Гослитиздатом» под редакцией и с послесловием «Раффи и его «Самуэль» проф. И. К. Кусикьяна.

В 1950 г. роман переиздается с некоторыми исправлениями и дополнениями (переводчики—А. Н. Дубровина (Тер-Карапетова) и И. К. Кусикьян¹). В этой редакции перевод романа выдерживает несколько изданий без каких-либо изменений в тексте— в 1958, 1960, 1972, 1975 и т. д.

В 1982 г. роман выходит в свет в переводе Н. Хачатурян.

С вопросом передачи национального своеобразия подлинника, в частности в данном случае—передачи национальных слов-реалий исторического произведения, тесно связан и вопрос сохранения исторического колорита произведения, что практически предполагает использование приемов, которыми пользуется писатель для воплощения своего замысла.

Метод исторической стилизации автора определяется соотношением между литературным языком современности и языком описываемой им эпохи. Исходным материалом стилистической обработки у Раффи является современный литературный язык, упорядоченная стилистическая система, устоявшиеся нормы, имеющие свою историю, разветвленная система стилей речи, богатый словарь, а также развитая синонимика и большое количество стилистических вариантов которого служат основой для создания многокрасочной языковой ткани. Автор широко пользуется древнеармянским литературным языком—грабаром, что выражается не в привнесении в язык романа, некоторых особенностей языка прошлого, а в перераспределении всей семантико-стилистической системы, свойственной современному литературному языку.

¹ И. Эриванцян, очевидно, псевдоним И. К. Кусикьяна.

Все это дает возможность органически сочетать в языке романа элементы грабара, выпавшие из состава современного армянского литературного языка, отрывки из текстов описываемой эпохи и разнотильные элементы, сосуществующие в едином контексте—элементы народно-разговорной речи и иноязычные слова и выражения.

Лексический материал романа во многом связан с образами исторической жизни армянского народа. Яркие описания семейной и общественной организации, религии, культов, обычаев, обрядов, быта, одежды, украшений, оружия и т. д. продиктованы реальным, конкретным бытием народа.

Специфичность национального быта выражена в произведении с помощью национальных реалий. Национальные реалии непосредственно относятся и к форме, и к содержанию, поскольку они служат наименованиями понятий, которые, в свою очередь, являются материальной сущностью, выраженной в художественном произведении языковыми образами. Реалии как бы закрепляют национальное содержание того или иного явления в художественном произведении. Слова-реалии романа отражают почти все стороны жизни армянского народа.

Национальные реалии романа «Самвел» настолько многочисленны и разнообразны, что их можно систематизировать только путем классификации.

Прежде всего отметим, что слова реалии романа делятся на две большие группы—это слова общевосточной лексики и исконно армянские слова.

Первую группу составляют слова и выражения иноязычного происхождения. В силу исключительной многоплановости романа в сфере изображения связей и общения армянского народа с персидским автором используются также национальные реалии персидского народа, необходимые для воспроизведения характера эпохи, среды и героев.

В основном это слова-реалии религиозного содержания, как, например, *նամազ* — намаз, *մուш* — молла, *իսлам* — ислам, *դերվիш*, — дервиш, *եներդեր* — евнух, *մոգ* — жрец и т. д. Также обособляются слова-реалии, обозначающие персидское военное оружие: *փրիկվան* — орудие для подкопа, *աւար* — щит; единицы измерения: *ֆарсанг* — фарсанг, названия предметов одежды, украшений: *թանա* — украшение на носу в форме гвоздики;

бытовые:— *խորդի* — переметная сумка, *սурма* — сурьма, *հарем* — гарем и т. д.

Вторую группу составляют слова исконно армянской лексики. Попытаемся классифицировать их².

Реалии, обозначаемые здесь, в основном этнографического и общественно-политического характера³.

Этнографические реалии.

1. Быт:

а) пища, напитки: *օգորտիկ* — сладкий напиток, *բուխ* — растительный мед, *գազպեն* — лакомство.

б) одежда, обувь, головные уборы, украшения: *դերձակ* — передник, *մուշտակ* — тулуп, *վարդեր* — шаровары, *թանак* — колпак, *տրեխ* — легкая обувь типа лаптей, *մաշիկ* — туфли без задников, *ծամբաղ* — узел из косичек.

в) жилье, мебель, посуда, утварь: *կոշտ մազե օթոց* — циновка, *գետնափոր խճիթ* — землянка, *գահավորակ* — стул, *թաս* — чаша, *բլան* — блюдо, *հալակ*, *կավից սափոր* — кувшин из армянской глины.

2. Искусство и культура.

а) музыкальные инструменты: *լիկ* — лютня, *հարթիկ* — струнный музыкальный инструмент;

б) исполнители: *գուան* — гусан (народный певец в Армении),

в) обычаи, ритуалы, праздники: *Վարդափառ* — Вардавар.

г) игры: *մականախաղ* — игра в макан (в поло).

д) календарь: *նավասարդ* — Навасард (первый месяц в году после Нового года).

е) культы и служители: *վարդապետ* — ученое звание среди церковнослужителей, *թահան* — священник.

3. Меры и степени: *տասներորդ* — десятинна

² Здесь и далее используется классификация реалий, предложенная болгарскими теоретиками перевода С. Влаховым и С. Флоринным. См. С. Влахов и С. Флорин. Не-переводимое в переводе.—«Междун. отношения», М., 1980, с. 51—56.

³ Перечислить все реалии, использованные в романе, ввиду их большого количества, нецелесообразно, поэтому к каждой подгруппе приводим один-два примера.

Общественно-политические реалии

1. Административно-территориальное устройство.

а) детали населенных пунктов: *ծոխ(երդ)* — дом с отверстием в крыше для дыма,

2. Органы и носители власти: *արքա*, *թագաժոր* — царь, *իշխան* — князь.

б) должности, профессии, звания, титулы, обращения: *Հազարապետ* — главный эконом царя, *տանուհի* — глава феодального рода, *Կախար* — крупный владетельный феодал.

3. Общественно-политическая жизнь. а) сословия и касты:

а) *Կախարի թլուխ* — сословие крупных феодалов.

4. Военные реалии. а) военнорслужашие и командиры: *սպարապետ* — главнокомандующий армянским войском.

б) оружие: *տիգ* — дротик, *կիզակ* — копье, *կապարճ* — колчан, *կետ* — стрела, *աշտ* (— диалектно) — дротик, *թուր* — сабля, *վահան* — щит, *սուր* — сабля;

в) обмундирование: *լիզապան* — нагрудник, *սաղավարտ* — шлем, *զրահ* — кольчуга.

Использованная в романе специфическая национальная лексика, как отмечалось выше, в некоторых случаях является архаической лексикой, которая отличается рядом особенностей. С одной стороны, это архаизмы, обозначающие реалии, вышедшие из употребления и, естественно, не имеющие синонимов в современном армянском языке. Употребление этих архаических слов-реалий обусловлено необходимостью. К архаическим словам-реалиям этой группы относятся в основном названия украшений, военных и административных понятий, оружия. С другой стороны, применение архаической лексики вызвано стремлением автора использовать ее элементы как яркие, колоритные пятна в общей гамме красок. Для этой части слов характерны экспрессивно-эмоциональные свойства, и в современном литературном армянском языке они имеют свои синонимы, поскольку реалии, которые обозначаются этими архаизмами, только лишь называются иначе. Все эти архаические слова-реалии причисляются к стилистически активным выразительным средствам создания и усиления национального колорита художественного произведения. И, в-третьих, это архаизмы, являющиеся таковыми для современного восприятия, но употребительные в литературном языке эпохи Раффи.

В романе все архаизмы выступают нерасчлененно, а это способствует многообразию семантических планов романа.

Отсюда видно, что слова-реалии несут в романе вполне определенную стилистическую нагрузку. Разумеется, степень стилистической активности реалии в зависимости от контекста может быть различной, но не спадающей до нуля, так как «в художественном произведении нет, во всяком случае, не должно быть слов немотивированных, проходящих только как тени ненужных предметов»⁴.

Поскольку информация реалии вытекает из действительности, художественно представленной в оригинале, то суть проблемы заключается в том, чтобы найти средства, которые бы обеспечили верность передачи этой информации, т. е. лишь при наличии определенных потенциальных эквивалентов для реалии оригинала устанавливается, при каких условиях подобранные потенциальные эквиваленты могут стать оптимальными.

Одна из трудностей при переводе исторического произведения обусловлена, с одной стороны, различиями в темпах и путях развития языка оригинального произведения и языка перевода, которые приводят к хронологическим несоответствиям в развитии этих языков и к разным системам распределения и соотношения лексических пластов: отсюда, в частности, и трудности подбора в ПЯ архаического варианта, тем более, если в ПЯ не находится синонимов национальным словам ИЯ; невозможностью использовать языковые связи, характерные для стилистической системы оригинала; экзотичностью многих реалий для страны, культуры и языка переводчика и т. д.

С другой стороны, в развитии армянского и русского литературных языков находят сходные в известной мере черты, что во многом облегчает задачу переводчиков, как, например, влияние старославянского языка на русский и древнеармянского (грабара) на армянский, а также длительный переводческий контакт между носителями обоих языков и т. д.

В связи с этим для перевода на русский язык как архаической, так и не архаической

⁴ В. В. Виноградов. Язык художественного произведения.—ВЯ, М., 1954, № 5, с.

ческой лексики, использованной для изображения реалий в романе, применяются различные способы перевода, опирающиеся на разнообразные языковые ресурсы.

Наиболее употребительные приемы, к которым прибегают авторы переводов, следующие⁵:

а) Транслитерация полная или частичная, то есть непосредственное использование данного слова, обозначающего реалию, либо его корня, в написании буквами своего языка или в сочетании с суффиксами всего языка.

б) Уподобляющий перевод, уточняемый в условиях контекста, а иногда граничащий с приблизительным обозначением, то есть использование слова, обозначающего нечто близкое, аналогичное по функции к иноязычной реалии.

в) Описательный, или перифрастический перевод, то есть создание нового слова, словосочетания или сложного слова для обозначения соответствующего предмета на основе элементов и морфологических отношений, уже реально существующих в языке.

г) Контекстуальный перевод или обобщенно-приблизительный, то есть слова ИЯ, обозначающие видовое понятие, передаются словами ПЯ, называющими понятие родовое.

Перевод реалий как специфической лексики имеет крайне важное значение, поскольку переводчик должен обязательно сохранить информацию, заключенную в слове-реалии,— информацию локального и исторического колорита, чтобы достичь наиболее полного воспроизведения оригинала. Однако при всей значимости реалии ее перевод не должен рассматриваться как самоцель. Выбор способа передачи реалии зависит от функциональной весомости реалии в тексте в целом и в данном контексте. Как указывают С. Влахов и С. Флорин, «Переводчик, учитывая общие теоретические положения и опираясь на владение языками, на фоновые знания, на свой опыт, «чутье» и карточку, в каждом отдельном случае выбирает наиболее подходящий, иногда единственно возможный путь»⁶.

Подыскать адекватные соответствия реалии, естественно, невозможно, потому что реалия не бытует в обиходе народа—носителя переводного языка, незнакома и экзотична для него. В этих случаях слова-реалии передаются в основном методом транслитерации—механического перенесения слова в текст.

Таким образом, основная причина применения транслитерации—это, с одной стороны, отсутствие в языке перевода «материальности», имеющейся в языке оригинала, и, с другой, необходимость сохранения информации, заключенной в слове-реалии.

Приведем примеры передачи национальных слов-реалий романа на русский язык при помощи транслитерации.

«Երաժիշտը ածում էր յուր բամբիրի վրա» (с. 73)⁷

«Музыкант играл на бамбирне» (46 г., с. 53)

«Музыкант играл на бамбирне» (50 г., с. 59)⁸

«...музыканты бряцали на струнах бамбирнов...» (82 г., с. 51)⁹

Или:

«Նա գիտեր նրա աղմկալի գիշերները, ուր մինչև առավոտ գուսանների հերոսական տաղերը և պարողների տրոփյուներն քնդեցնում էին ընդարձակ սրահները» (405)

В переводах:

«Он знал бурные ночи дворца, где до утра героические песни гусанов и топот пляшущих ног раздавались в обширных залах» (50 г., с. 342).

«Он знал, что обычно по вечерам в его обширных залах всегда шумно и оживленно, гусаны поют о подвигах богатырей, пляски сотен гостей сотрясают стены роскошных палат» (82 г., с. 296).

Транслитерация обладает характерным качеством: она подчеркивает стилистическую активность реалии и сообщает тексту национальный и местный колорит. «Поэ-

⁵ Здесь мы придерживаемся определения видов перевода А. В. Федорова. См. А. В. Федоров. Основы общей теории перевода. М., 1983, с. 151.

⁶ С. Влахов и С. Флорин, указ. соч., с. 80.

⁷ Оригинал цитируется по собр. соч. Раффи (Акоп Мелик-Акопян), в 10-ти томах, т. VII (на армянском языке). «Айпетрат», Ереван, 1956.

⁸ Так как переводы 1946 г. и 1950 г. тождественны, за исключением некоторых случаев, примеры нами будут приводиться по изданию 1950 г. См. Раффи Самвел. Ист. роман. 364—400 «Армгосиздат». Ереван, 1950 г.

⁹ Раффи. Самвел. Ист. роман. 364—400. «Сов. грех.», Ереван, 1982.

тому,— как считает В. Россельс,— в переводе следует оставлять слова, которые обозначают понятия, предметы, явления,— короче говоря, реалии, не бытующие в обиходе того народа, на язык которого произведение переводится»¹⁰. Иначе говоря, транслитерация необходима, ибо передача национальных слов-реалий во всех без исключения случаях при помощи слов переводного языка может привести к полной утрате всех особенностей национального уклада жизни, изображенной в подлиннике, и русский читатель перестанет ощущать его национальное своеобразие.

Прием транслитерации, если, конечно, значение слова не раскрывается в контексте, требует комментария, и в практике перевода принято объяснять транслитерированные слова с помощью описательного перевода в примечаниях или в сносках внизу страницы. Первые переводчики романа также объясняют транслитерированные слова при помощи сносок внизу страниц, например, бамбирн — музыкальный инструмент, бывший в употреблении у древних армянских рапсонов, гусан—народный певец в древней Армении. Н. Хачатурян не объясняет слово «бамбирн», поскольку в тексте дан разъясняющий комментарий, после которого все ясно (музыканты—струны—бамбирны).

Интересно применение слова-реалии «гусан». В начале романа автор оригинала использует выражение *ժողովրդական երգիչ* — народный певец:

«Երկու ժողովրդական երգիչներ, դռան մոտ կանգնած, երգում էին և ածում իրանց հինավուրց նվագարանները վրա» (109):

В переводе это выражение «народный певец» заменяется словом-реалией «гусан»: «Два гусана, стоя у дверей, пели и играли на своих инструментах» (50 г., с. 92). Внесение реалии в текст перевода не сопровождается никаким комментарием и, таким образом, содержание данной реалии остается нераскрытым. Реалия объясняется только при повторном употреблении (см. приведенный выше пример). Если реалия нуждается в комментарии, чего мы не можем сказать о реалии «гусан», поскольку сегодня эта реалия общезвестна, то, думается, было бы вернее объяснить ее читателю в самом начале чтения.

Н. Хачатурян также вводит в текст перевода слово-реалию «гусан», но сохраняет вместе с тем и авторское «народный певец»: Два странствующих народных певца-гусана стояли у дверей, пели и играли на древних армянских инструментах». (82 г., с. 79).

Или:

«Այնտեղ, հայոց տարեմուտին, նավասարդ ամսի սկզբում, կատարվում էր ընդհանրական աշխարհախումբ տոնախմբությունը» (72):

«На новый год армян, в начале месяца Навасарда, здесь происходило всенародное празднество». (50 г., с. 59)

«Когда старый год кончался, здесь совершались—в начале Навасарда, первого месяца нового года—торжественные обряды всенародного празднества». (82 г., с. 51).

В примечаниях первого и последующих изданий романа на русском языке к этому слову дается объяснение: «Навасард—по армянскому календарю, первый месяц в году. Он соответствует нашему августу». Привожу примечание Н. Хачатурян к этому слову: «Навасард (от перс. *nava*—новый, *sard*—год) в древней Армении первый месяц нового года. С V века по неподвижному христианскому календарю он отмечается с 11 августа по 9 сентября». Кроме примечания, переводчица в самом тексте дополнительно поясняет реалию «Навасард» вводной фразой «первого месяца нового года».

В отличие от первых переводчиков романа, в использованных методах перевода и объяснения транслитерированных слов-реалий перевод Н. Хачатурян отличается большим разнообразием. Одним из основных критериев выбора способа перевода у нее всегда оставался контекст, помогавший найти оптимальный вариант. Переводчица широко пользуется методом транслитерации слов-реалий, однако зачастую раскрывает их значения только с помощью пояснений, которые содержатся в самой фразе перевода, одновременно с частично или полностью транслитерированным словом, например:

«Հաղթողը ստանում էր այն վարդյա պսակներից մեկը, որոնցով զարդարված էր լինում Աստղիկ վարդերով վառված տաճարը: Այդ պատճառով այդ տոնախմբությունը կոչվում էր Վարդավառի տոնախմբությունը»: (с. 73)

«Победитель получал один из тех розовых венков, которыми был украшен храм Астхик, и потому празднество это называлось Вардавар». (50 г., с. 60)

¹⁰ В. Россельс. Перевод и национальное своеобразие подлинника, в сб. «Вопросы художественного перевода», М., 1955, с. 169.

«Победитель получал в награду венки из роз—один из тех, которыми был украшен храм богини любви и красоты Астхик и из-за которых праздник так и назывался Вардавар, т. е. «украшенный розами». (82 г., с. 52)

В первом переводе романа (46 г.) к слову «Вардавар» дается сноска: «Вардавар— по армянски «украшенный розами». В следующих изданиях сноска дополняется: «В этот день обливали друг друга водой, дома украшали зеленью и цветами, преимущественно розами. После введения христианства этот праздник, посвященный богине Астхик, перешел в праздник Преображения».

Н. Хачатурян поясняет это слово-реалию в контексте вводной фразой, дающей перевод слова «Вардавар»—т. е. «украшенный розами», а суть праздника уже понятна из широкого контекста главы.

Указанный метод перевода представляется наиболее целесообразным и при переводе значащих имен, что, кстати, широко и с успехом применяется Н. Хачатурян.

«... ահա սպիտակ Զյուսակերտը» (23)

«...вот белый Дзюнакерт» (50 г., с. 14)

«Вот белоснежный Дзюнакерт, само название которого не случайно означает «Построенный из снега» (82 г., с. 14);

«... երևում են Օձ քաղաքի բարձր աշտարակները» (23)

«...вырисовываются высокие башни города Олз...» (50 г., с. 14)

«...города Олз, что по-армянски означает «Змеяный». (82 г., с. 14)

«Ահա Վիշապ քաղաքը, վիշապի լայն բերանի պես բացված...» (23)

«...вот город Вишап с его громадными городскими воротами, раскрытыми как пасть чудовища» (50 г., с. 14)

«Вот город Вишап, или Дракон...» (82 г., с. 14)

«Կրակը մի ժամանակ կատարել էր այնտեղ սարսափելի ափերով, և այդ պատճառով այդ քաղաքը կոչվում էր Մծուրք»: (98)

«Некогда огонь произвел здесь страшное опустошение, и по этой причине город назывался Мцурк» (при этом к слову «Мцурк» дается сноска: Мцурк—на левнеармянском языке означает пепел). (50 г., с. 98)

«...и поэтому он назывался Мцурк, что значит «пепел» (82 г., с. 71).

«Երևում էր Ավետյաց բլուրը» (98)

«Вот Аветица» (50 г., с. 82)

«...там виднелся холм Аветица, то есть Обетованный» (82 г., с. 71)

Как видим, в других переводах романа этот прием совершенно не применяется. Еще пример:

«Մեկին կոչում էին Շուշանիկ, մյուսին՝ Հասմիկ, Երկուսն էլ շուշանների նման ճերմակ էին, երկուսն էլ հասմիկի նման հոտավետ էին»: (338)

«Одну звали Шушаник, а другую—Асмик. Обе белые, как лилии, обе душистые, как жасмин...» (50 г., с. 338). Для русского читателя фраза не имеет смысла, она алогична, ибо ему неизвестно, что Шушаник—от армянского шушан—лилия, а Асмик от армянского асмик—жасмин. В переводе можно было сразу раскрыть значащее в данном контексте имя, что и делает Н. Хачатурян и подчеркивает этот нюанс:

«Одну звали Шушаник, что означает лилия, другую Асмик, то есть цветок жасмина. Эти имена очень подходили девушкам: обе были прелестны, словно лилии, и благоуханны, словно цветок жасмина». (82 г., с. 293)

Итак, в объяснении транслитерированных слов в переводах романа на русский язык наблюдаются два основных метода—комментарий в сноске (или в примечаниях) и объяснение в самой фразе. Для первых переводов в основном характерна транслитерация с писательным переводом этого слова в сноске. Н. Хачатурян применяет способ транслитерации с объяснением его в контексте словосочетанием, вводной фразой или вводным предложением.

То, что переводчица прибегает к толкованию слова-реалии в самом тексте, очевидно, мотивируется ее стремлением сохранить информацию местного и национального колорита, вместе с тем сохранить динамику повествования и не обременять читателя необходимостью каждый раз отрываться от чтения и заглядывать в примечания за объяснением слов. При анализе перевода Н. Хачатурян мы можем утверждать, что переводчица применяет этот метод с большой осторожностью и тактом. При этом очень важно отметить, что раскрытие содержания слова в самом тексте соответствует стилистическим приемам самого Раффи, который, используя архаические, незнакомые

современному читателю слова, объяснял их или в самой фразе, или в примечаниях¹¹. Ибо внесение архаического слова в текст также является своеобразной транслитерацией из иной лексической системы в современный язык, хотя речь идет не об иноязычных словах, а об элементах иной лексической системы.

Таким образом, указанный метод перевода позволяет сохранить и почерк автора оригинала, чем и вызвано, очевидно, пристрастие переводчицы к этому методу, выраженному в переводе достаточно характерно и вообще свойственному для ее творческого почерка.

Приведем в качестве примеров использование Раффи слов-реалий руп, газпен в тексте. Руп, газпен—архаические слова-реалии, обозначающие названия пищи, специфичной для армянского народа. Автором содержание этих реалий раскрывается пояснениями, органически вплетенными в предложение.

«Նրա մեղ լցնում են շաքարալից տերեւները, շաքարը լուծվում է չրի մեղ, հետո սերեւները դուրս են ածում, իսկ մնացած չուրը եփ տալով՝ Թանճրացնում են, և այդպես պատրաստում են բուսական մեղր կամ ուլի» (69)

Принцип перевода этих слов не вызывает сомнения—здесь уместна только транслитерация с последующим переводом фразы, поясняющей суть реалии, что и имеем во всех переводах.

«Когда сахар растворялся, листья выбрасывали, вода закипала, и на дне оставался сладкий осадок: мед, или иначе—рупа» (50 г., с. 56)

«Когда сахар растворялся, листья выбрасывали, вода закипала, делаясь густой. Таким способом приготавливали растительный мед или иначе—руп». (82 г., с. 49)

Или:

«Բայց ավելի քեթու տերեւները, որոնց վրա շաքարն ավելի հաստ խավ է կապել, ընտրում են, և այդպես դրսում են միմյանց վրա, հուլի են տալիս, պատրաստելով այն անուշաճամ և անուշահոտ քաղցրավենիքը, որ կոչվում է գազպեն» (69)

«Наиболее нежные листья, на которых слой сахара был гуще, накладывались друг на друга и прессовались. Таким способом приготавлилось душистое и вкусное лакомство, называемое газпе». (50 г., с. 56).

«Наиболее нежные листья, на которых слой сахара был гуще, отбирались, их накладывали друг на друга и прессовали. Так приготавливали вкусное и ароматное лакомство, которое называли газпен». (82 г., с. 49)

Введение в текст перевода иноязычного слова всегда должно иметь свои основания. Если таковых нет, то перевод несет на себе печать формального подхода автора к одному из сложных вопросов в практике перевода. По А. В. Федорову, «Транслитерация... применяется широко в тех случаях, когда речь идет о названиях учреждений, должностей, специфичных для данной страны, то есть о сфере общественно-политической жизни»¹². Транслитерация, к примеру, слов «спарапет», «нахарар» необходима. В русском языке можно было подыскать им эквиваленты, например, спарапет—тот же главнокомандующий войсками, или нахарар—это феодал, правящий своим княжеством. Однако их функция в историческом произведении приравнивается к терминологической, поскольку архаизмы и историзмы используются в силу исторического характера самого произведения, то есть они являются лексическим средством исторической стилизации при воссоздании действительности прошлого. Кроме того, архаические слова, выпавшие из

В текстах романа, опубликованных при жизни писателя, находятся многочисленные цифровые обозначения, которые остались не объясненными. Доказано, что эти цифровые обозначения предназначались для особой главы примечаний, которая осталась незавершенной. Сохранились примечания автора к словам «Ануш», «Меружан», «Джай-мар». Автор пишет при объяснении слова «Ануш»: «Оставляя более подробные объяснения для примечаний в «Самвеле», которые будут напечатаны отдельным приложением, не считаю лишним дать объяснение слова «Ануш». Эти примечания и все цифровые обозначения сохранялись в текстах первых двух изданий романа—1888 г., Тифлис, и 1889, Вена. В последующих изданиях романа все цифровые обозначения были сняты из текста.

¹² А. В. Федоров. Основы общей теории перевода. М., 1983, с. 152.

состава современного армянского языка, в какой-то мере чужды языковому сознанию читателей как оригинала, так и перевода. Это облегчает передачу подобных слов на русский язык, так как их место в лексических системах обоих языков сравнительно соотносительно. При введении этих древних слов в текст их функционирование в языковой ткани произведения совпадает. Это и дает возможность применить при их переводе транслитерацию. В этом случае в языке перевода они будут выполнять свою функцию полностью, так как Раффи также вводит их в текст и одновременно поясняет, что делает и переводчик.

Пример:

«Վաղարշակը, հայոց բոլոր նախարարութիւնները կարգի դնելով, Սիկունիների քաղ և որսորդութիւն մեջ հաշոգակ իշխաններին ու նախարարութիւն կարգն անցուց և նրանց հանձնեց արքունի որսորդութիւն գլխավորութիւն»: (10)

«Вагаршак, установив порядок местничества среди нахараров, возвел князей Слкуни в разряд нахараров за их храбрость и удачи в охоте и поручил им начальство за придворной охотой» (50 г., с. 16)

«...ибо когда Вагаршак ввел иерархический порядок среди армянских феодалов, он возвел князей Слкуни, храбрых и удачливых в охоте, в нахарарское достоинство, то есть в ранг самых крупных феодалов и пожаловал надзором за царской охотой». (82 г., с. 15)

Следуя своему принципу объяснения транслитерированных слов, первые переводчики романа приводят объяснение слова-реалии в сноске (нахарары—крупные феодалы, вассалы царя, наследственно владевшие областями Армении), а Н. Хачатурян вводит фразой «т. е. в ранг самых крупных феодалов» поясняет суть реалии в контексте.

Или:

«... իսկ Վահանը հազարապետի պաշտոն էր վարում»: (30)

«Ваган был назначен тысяченачальником» (50 г., с. 39)

«...Ваган исполнял должность азарапета, т. е. ведал хозяйственными делами всего государства» (82 г., с. 35).

В первом издании романа переводчики прибегают к переводу слова *հազարապետ* при помощи сложного слова «тысяченачальник». В данном случае не было необходимости создавать это слово, которое явно было образовано только потому, что можно расчленить его на части (*հազար*—тысяча, *պետ*—начальник) и перевести по частям. Слово тысяченачальник не передает значения слова *հազարապետ*—главный эконом царя, ведавший государственным хозяйством и налогами, и не укладывается в контекст. Создание сложных слов, конечно, обладает рядом преимуществ перед транслитерацией и описательными способами передачи слов-реалий и является продуктивным способом, «ибо передает специфику названий предметов, делает их понятными в тексте и вместе с тем воспроизводит местный колорит»¹³, но все это только в том случае, если оно точно передает содержание реалии и понятно в контексте.

В данном случае, думается, целесообразнее было прибегнуть к транслитерации, что и делает Н. Хачатурян.

Из рассмотренных примеров транслитерации следует, что этот прием сыграл немаловажную роль в сохранении национального своеобразия романа. Он не оторван переводчиками от родных корней и не пересажен на русскую почву. Приведенные здесь наиболее часто встречающиеся транслитерированные слова при их верной интерпретации и контекстуальной оправданности играют в ткани перевода роль необходимого изобразительного средства.

Транслитерируются также слова общевосточной лексики. Среди них встречаются слова-реалии, которые в силу давних житейских контактов уже вошли в русский язык с обобщенно-восточной окрашенностью (хурджин, сурьма, диван, молла, гарем и т. д.). Все эти реалии уже не нуждаются в переводе и пояснениях, поэтому в тексте перевода они транслитерируются без комментариев.

Пример:

«Մենա՛մ էին աշխերը, որ պետք էր սուրմալու ծարիրի սև փռշիտով»: (17)

¹³ П. Табахьян. «Тихий дон» М. Шолохова и вопросы перевода. Ростов, 1961, с. 20.

«Оставались еще глаза, которые следовало подвести черным порошком сурьмы» (50 г., с. 28)

«Теперь очередь была за глазами: их следовало насурьмить». (82 г., с. 25)

В переводе подобных иноязычных слов расхождений в текстах нет. Все иноязычные слова-реалии переданы транслитерацией, за исключением слова «хурджин». В первых изданиях романа на русском языке это слово транслитерировано с объяснением в сноске: хурджин—переметная сума.

Н. Хачатурян переводит его описательно, по-видимому, считая, что слово-реалия «хурджин» в данном контексте пассивна, вместе с тем подобным переводом специфические признаки этой реалии сохраняются.

«Ուղևորը բաց արեց ձիու քամրին կապած ճանապարհորդական քեթե խուրջինը, ձգեց յուր ուսին և, «բարե գիշեր» ասելով, հեռացավ:» (5)

«Путник, между тем отвязал легкий дорожный хурджин, привязанный к седлу лошади, перекинул его через плечо и, пожелав доброй ночи, снова пустился в путь». (46 г., с. 14)

«Пришлец, между тем отвязал легкий дорожный хурджин, привязанный к седлу лошади, перекинул его через плечо и, пожелав привратнику доброй ночи, удалился». (50 г., с. 13)

«Путник снял с седла переметную суму, перекинул через плечо, пожелал доброй ночи и пошел прочь». (82 г., с. 13)

Думается, слово-реалию «хурджин» следовало перевести так же, как переводчицей были переведены слова реалии в приведенных выше примерах, к примеру: «Путник снял с седла легкий дорожный хурджин, т. е. переметную суму ...».

Другая группа иноязычных слов-реалий (джида, фарсанг, тана и др.) относится к сравнительно редко употребляемым иноязычным словам, которые могут быть неизвестны широкому кругу читателей. Поэтому при их транслитерации необходимы или комментирующие пояснение, или соответствующий контекст.

Пример:

«... արևը հինգ շիղախից ավելի բարձրացել է» (50)

«Солнце-то уж на целых пять джидов поднялось на небе» (46 г., с. 40)

«Солнце-то уж на целых пять джид поднялось на небе» (50 г., с. 48)

«Солнце-то джид на пять уже поднялось». (82 г., с. 42)

В отличие от первых переводчиков романа, которые комментируют в сноске эту незнакомую реалию (джида—персидская мера длины), Н. Хачатурян избегает комментирования. При всей непонятности этого слова, его значение угадывается при помощи контекста, который, бесспорно, раскрывает его смысл и дает представление о понятии, обозначенном здесь словом «джида»: «Это значило, что солнце поднялось над горизонтом на высоту пяти копий». (с. 42). Кроме того, в предложении слово «джид» легко понимается нами как родительный падеж множественного числа слова «джида», явно означающего меру длины (что ясно по приведенной цитате, джида—здесь копье).

Следующий пример перевода иранизма—транслитерация слова тана (танан):

«Ահա այդ սիրուն Քանան, որ կրում ես թթիղ վրա, յուր մեխակի ձեռով՝ միշտ անուշահոտությամբ կհրապուրեք քո հոտոտելիքը...» (20)

«Хорош и этот танан. Ароматный, как гвоздика, он услаждает твоё обоняние...». (46 г., с. 28).

«Хороша и эта тана, имеющая форму гвоздики, она услаждает тебя свои благоуханием...» (50 г., с. 34)

«А вот эта прелестная тана, которая украшает твой нос—она имеет форму гвоздики, значит, всегда будет своим ароматом услаждать твоё обоняние...» (82 г., с. 30)

Опять же первые переводчики романа объясняют слово-реалию в сноске (тана-персидское украшение в форме гвоздики, прикрепляемое к носу). Н. Хачатурян в самой фразе вводной фразой—«которая украшает твой нос» дает пояснение слова.

Среди разнообразных методов перевода, применяемых Н. Хачатурян при работе над романом, отмечается еще один—описательный способ перевода слов-реалий.

Например, армянское:

«Այստեղ, յուր քանիչուր տարի, հայոց նավասարդ ամսի սկզբում, կատարվում էր «ամանորի» (նոր տարու) աշխարհախումբ տոնախմբությունը:» (341)

В переводах: «Здесь ежегодно вначале Навасарда месяца армяне торжественно праздновали «аман ор». (46 г., с. 260)

«Здесь ежегодно вначале Навасарда месяца армяне торжественно отмечали «аман ор»—новогодний праздник». (50 г., с. 287)

«Здесь каждый год, в начале армянского месяца Навасарда, отмечался всенародный праздник—встреча Нового года». (82 г., с. 249)

При сравнении всех вариантов перевода слова-реалии замечаем, что сохранение реалии «аман ор» в текстах не является необходимым. «Транслитерация»,—по А. В. Федорову,—необходима именно тогда, когда важно соблюсти лексическую краткость обозначения, соответствующего его привычности в языке подлинника, и вместе с тем подчеркнуть специфичность называемой вещи или понятия, если нет точного соответствия в языке перевода¹⁴. «Аман ор»—это тот же Новый год, и это понятие не является специфичным только для армянского народа. Транслитерация в данном случае слова «аман ор» и объяснение его в примечании нецелесообразны. В следующем издании переводчики переводят фразу в точном соответствии с оригиналом (арм *«ամանոր»* (*Նոր տարի*) рус. «аман ор»—новогодний праздник). Авторское пояснение слова позволяет опустить его в переводе, поскольку с понятием «аман ор» не связаны никакие специфические черты, тем более, что вся глава—описание этого праздника. «*Ամանոր*»—всего лишь древнеармянское название Нового года и в данном случае стилистически нейтрально. А транслитерации подлежат, как известно, лишь стилистически активные слова-реалии. Поэтому перевод этого слова-реалии описательным способом здесь правильный, что позволяет полностью передать смысл реалии и не придает переводу никакого русифицирующего оттенка.

Интересно отметить, что для передачи некоторых форм обращения, специфичных для персидского языка, автором создавались новые словосочетания или сложные слова на основе элементов или морфологических стношений, имеющих в армянском языке. Иначе говоря, им был применен перифрастический метод перевода персидских слов-реалий, не имеющих соответствий в армянском языке. Например, *մովպետական-մովպետ, տրկանց-տրկին, արքայից-արքա*. В переводах этих слов с армянского языка на русский переводчики также применили вышеуказанный способ перевода, дающий полную образно-морфологическую аналогию иноязычного слова: маг-магов, госпожа над господами, царь-царей и т. д.

В текстах первых переводов романа находятся лжереалии, переданные транслитерацией и объясненные в примечаниях. К примеру, шинакан—тот же сельский житель, или випасан—сказитель и т. д. Зачем же оставлять их в тексте и переводить в примечаниях, разве только для искусственного создания колорита? Думается, Н. Хачатурян поступила верно, не выделив их как реалии и передав при помощи контекстуального аналога: *շինական*—поселянин, *վիպասան*—сказитель.

«... *այնքան հաճախ պատահում էին քաղաքացիք, շինականներ, որոնք գնում էին դեպի քանազան կողմեր: Քաղաքացիք նստած էին ձիանների կամ շորիների վրա, իսկ գյուղացիք գնում էին ոտով:*» (70)

«Все чаще встречались горожане, ехавшие верхом на лошадях и на мулах; шинаканы плелись пешком». (50 г., с. 57).

(Здесь отмечается некоторое несоответствие с оригиналом, в частности, сокращено первое предложение. Однако слово «шинаканы» сохранено и перенесено во второе предложение: «Все чаще встречались горожане, шинаканы, которые шли в разные стороны. Горожане сидели на лошадях или на мулах; крестьяне шли пешком» — букв. перевод).

«Горожане ехали на лошадях или мулах, поселяне шли пешком» (82 г., с. 50) Или:

«*Մեր երգիչների, մեր վիպասանների գեղեցիկ վաստակները կրակի զոհ դարձրինք:*» (84)

«Произведения наших певцов и випасанов мы предали огню» (50 г., с. 70)

«...мы предали огню прекрасные творения наших певцов и наших сказителей...» (82 г., с. 61).

Таким образом, если описательный способ перевода предполагает лишь сохранение специфических признаков описываемого в оригинале понятия, то способ перевода с помощью аналога основывается на совпадении значения и стилистической окраски. Этот способ особенно продуктивно применяется переводчиками при переводе тех архаических слов-реалий, которым были найдены соответствия в русском языке,

¹⁴ А. В. Федоров, указ. соч., с. 152.

что, как указывалось выше, явилось отражением сходства в историческом, социально-экономическом и культурном развитии армянского и русского народов.

Здесь уже способы перевода слов-реалий оригинала определяются факторами, обуславливающими значение и функцию данного слова в тексте, и их русскими эквивалентами, обозначающими нечто близкое в лексических системах армянского и русского языков. Например, слова-реалии, обозначающие виды оружия, принадлежат к одному и тому же пласту архаических слов. Они сближаются и тематически, являясь отражением утраченных реалий.

Последнее обстоятельство является существенным при выборе способов перевода. В связи с этим можно выделить следующие категории архаических слов-реалий по отношению к русскому языку, подлежащие переводу при помощи аналога.

1. Архаические слова-реалии, не сохранившиеся в лексической системе современного армянского литературного языка, но введенные Раффи в лексическую систему романа и находящие себе соответствия в лексической системе русского языка.

2. Архаические слова-реалии, как сохранившиеся в лексической системе современного армянского, так и находящие себе соответствия в лексической системе современного русского языка.

При выборе русского аналога слову подлинника переводчик опирается на разнообразные языковые ресурсы русского языка. Во-первых, при переводе используются элементы различных лексических пластов: устаревшие слова, диалектизмы, заимствования. Во-вторых, при выборе аналога имеют значение и особенности структуры лексических единиц (например, многозначность или многоосновность).

Одной из разновидностей русских аналогов древнеармянским словам являются устаревшие слова. Расхождения в развитии русского и армянского литературного языков приводят к различному соотношению устаревших слов с другими лексическими элементами в современном армянском и русском языках. Это в известной мере ограничивает возможности применения устаревших слов в переводе, заставляет обращаться и к иным лексическим пластам в поисках полноценных замен архаизмов оригинала.

Однако там, где применение устаревших слов русского языка при передаче архаизмов подлинника возможно, оно позволяет достичь высокой точности и художественности перевода.

Рассмотрим отрывок, описывающий комнату Самвела. Только в этом отрывке писатель дает названия почти всех видов оружия, военных и охотничьих принадлежностей, характерных для древнего периода времени. Особенностью этих слов является то, что они обозначают реалии, которые вышли из употребления и полностью заменены новыми реалиями.

«Հատակը պատած էր նախշուն, բրդեղեն օթոցներով, անկյուններում դրած էին՝ զանազան ձևերով, ծանր ու թեթև երկազներ, տեգեր, գեղարդներ, շիղաներ, աշտեհեհ և երկաթյա ահագին լախտեր, բոլոր գեղեցիկ քանդակներով զարդարված, բոլոր սկզբնուղղ դրվագներով ազուցած... Ապա՝ նրա վրայից քարշ էին ընկած զանազան գնեթեր, կապարե՝ լի նետերով, տղեղ լայնալիճ, տապաբներ՝ երկար կոթով, թեթև վաճաճ՝ ուղտի թափանցիկ կաշուց պատրաստված, ծանր ասպար՝ պողպատից շինված և խոշոր կոճակների նման բեռներով զամված սաղավարտներ՝ գրան՝ երկաթյա մանր օղակներից գործված, պղնձյա հաստ լանջապան զանազան բրեհ, դաշույներ, վաղրներ՝ երկար ու կարճ, ուղիղ և կեն, միասայրի և երկոսայրի, որոնց պատյանները պատած էին սկով և արծաթով»։ (25—26)

«Пол в ней был устлан пестрыми мохнатыми коврами. В углах стояли тяжелые и легкие копья, пики, дротики и громадные железные палицы, украшенные тонкой резьбой с золотой насечкой... На шкуре было развешано разнообразное оружие: колчан со стрелами, большой лук, секиры с длинными железными рукоятками, два щита—один легкий, из прозрачной верблюжьей кожи, другой—тяжелый, стальной, усеянный крупными, похожими на пуговицы, гвоздями; шлемы—либо остроконечные, как копье, либо с султанами из волос, кольчуга из мелких колец; массивный медный нагрудник с выпуклым изображением извивающегося дракона, мечи, кинжалы, сабли длинные и короткие, прямые и кривые, ...ножны которых были украшены золотом или серебром...» (50 г., с. 17).

«Пол покрывали толстые пушистые шерстяные ковры, по углам были расставлены тяжелые и легкие копья, пики, дротики и огромные железные булавы, украшенные инкрустацией и чеканкой по золоту... Шкура была увешана оружием. Там были колчан со стрелами, изогнутый лук, секиры на длинных железных рукоятках, легкий щит из прозрачной верблюжьей кожи и тяжелый щит—стальной: весь утыканный крупными

шипамии, шлемы с острой, как копьё, верхушкой, шлемы, украшенные пышными султанами, кольчуга, толстый медный нагрудник, в центре которого свивал свои кольца чеканный дракон, всевозможные клинки—мечи, кинжалы, сабли—короткие и длинные, прямые и изогнутые, с одним лезвием и обоюдоострые, их ножны были сплошь в золоте и серебре...» (82 г., с. 16).

Автор, естественно, использует эти слова-реалии с целью более точной передачи исторической действительности, их применение обусловлено необходимостью.

Слова

նիզակ, տեգ, լախտ, կապարճ՝ լի նետերով, տապար, վահան, սաղափարտ, դրահ, լանջապան, —историзмы, не сохранившиеся в лексической системе современного армянского литературного языка, так же как древнерусские слова копьё, дротик, булава, колчан со стрелами, секира, щит, шлем, кольчуга, нагрудник и т. д.

Аналогия лексического и исторического колорита древнерусских слов и архаизмов дает возможность использовать древнерусские слова как соответствие древнеармянским и полностью передает функции историзмов в контексте. Эти аналоги способствуют передаче исторической стилизации Раффи.

При помощи аналогов в романе переводятся также все реалии быта—наименования предметов одежды (*դեմքակ*—передник, *պատմուճակ*—кафтан), обуви (*մաշիկ*—туфли без задников, *կոշիկ*—сапоги), головных уборов (*թասակ*—колпак, *սպարոշ*—повязка), украшений (*սպիրզակ*—драгоценное украшение, оплечье), драгоценных камней (*սուտակ*—гиацинт), жилья (*գետնափոր խրճիթ*—землянка), мебели (*օթոց*—циновка), посуды, утвари (*գավաթ*—кубок, *սափոր*—кувшин) и т. д.

Приведем пример из текста:

«Նա հագած ուներ սուրհանդակի թեթև զգեստ, մի կարճ մուշտակ, որի մորթեղեն կողմը դեպի ներք, իսկ մաշկեղենը դեպի դուրս էր թողած: Մեկը պնդած էր կաշյա լայն գոտիով, որ պատել էր կուրծքի մի մասը՝ մինչև փորի ստորին մասնեը, որպեսզի ձիու սրարշավ ցնցումներից փորտիքը չխախտվեին: Կաշյա նեղ վարտիքը՝ սրունքների վրա՝ ամրացած էր նույնպես կաշյա զանգապանեղով: Ոտներն հագած ուներ մազե թանձր տրեխներ, նույնպես մազե տակերով: Գլխին դրած ուներ թաղիքյա բոլորակ գլխարկ, որի վրայի կերպասյա փաթոթի ծայրերը ծածկում էին մերկ պարանոցը և ծածանվում էին լայն թիկունքի վրա:» (26)

«...стоял человек в легкой одежде гонца. На нем была короткая шуба с кожаным верхом; широкий кожаный пояс охватывал часть груди и—стягивал низ живота для предохранения от тряски во время быстрой езды. Кожаные узкие штаны у бедер были пристегнуты к кожаным же ноговицам. На ногах была туго сплетенные волосяные башмаки с подошвами из грубого волоса, на голове—круглая войлочная шапка, обернутая куском шелковой материи, концы которой закрывали голую голую шею и спускались на широкие плечи...» (50 г., с. 18).

«...стоял человек в легкой одежде гонца: короткий нагольный тулуп, поверх него широкий кожаный пояс, который захватывал часть груди и низ живота, чтобы при быстрой скачке не растрясти внутренности. Узкие кожаные штаны были пристегнуты к кожаным же ноговицам. На ногах была легкая и бесшумная обувь, сплетенная из конского волоса, на голове—круглая войлочная шапка, обвязанная куском шелка, концы которого, обмотанные вокруг шеи, развевались на широкой спине». (82 г., с. 17)

Перевод в приведенных отрывках слов-реалий при помощи аналогов не снижает стилистической насыщенности реалии, так как при помощи контекста достаточно четко дифференцируются и смысловое, и композиционное, и стилистическое значения реалии, которая употребляется автором без особых ассоциаций, сопутствующих ее национальной специфичности.

Здесь национальная специфика—в одежде в целом, не характерная для русской действительности. Поэтому чем нагляднее и понятнее эта картина, тем она национальнее, а это требует понятности деталей. Полноценности значений используемых аналогов здесь. сопутствует и контекст, который помогает переводчику определить специфически-эмоциональную нагрузку, содержащуюся в переводимой реалии.

Таким образом, замена всех этих слов-реалий словами, лишенными национально-го или исторического своеобразия, в тексте перевода не приводит к потере национальных особенностей романа, ибо все эти наименования в основном являются лишь деталями, которые используются автором в целях необходимого описания. Итак, «невозможно сохранить при переводе все элементы оригинала, содержащие историческую и национальную специфику, но, безусловно, следует вызвать у читателя впечатление,

ийлюзию исторической и национальной сферы»¹⁵. К тому же автор при их применении всегда дает подробное описание этих реалий, что во многом облегчает задачу переводчиков. Поэтому всем этим реалиям находят точные названия в языке перевода, как, например: *մուշտակ* — это действительно тулуп, как его и перевела Н. Хачатурян, хотя в переводах Н. А. Дубровиной (Тер-Каралетовой и И. Кусикьяна слово-реалия *մուշտակ* переводится как «шуба с кожаным верхом» (*մուշտակ, որի մորթիկն կողմը դեպի ներս, իսկ մաշկեղենը դեպի դուրս էր թողած* — букв. перевод: шуба, чья шерстяная сторона повернута внутрь, а кожаная — снаружи). Думается, это и есть действительно тулуп.

Таким образом, при переводе слов-реалий этой группы все эти названия переводятся без всякого ущерба, и при этом не теряется никакая национальная особенность.

Некоторым реалиям быта, в силу их национального своеобразия, естественно, нет названий на другом языке. Эти реалии в изучаемых нами текстах переданы по-разному. Например, реалия *տրեխներ* (трехи). «Трехи» — это легкая обувь из куска сыромятной кожи, стянутой по кромке кожаной полоской в виде шнура, с помощью которой обувь пригоняется по ноге.

В первом издании романа переводчики прибегают к аналогу «лапти». «На ногах были волосяные лапти с подошвами из грубого волоса» (46 г., с. 16). Лапти здесь не к месту, тем более, что их плетут из лыка, а уж представить лыко из волос — невозможно. Думается, здесь аналог оказался лжеаналогом. Очевидно, понятие лаптей употреблено переводчиками для создания представления о легкой обуви.

Во втором издании слово «лапти» заменено словом «башмаки»: «На ногах были туго сплетенные волосяные башмаки с подошвами из грубого волоса». (50 г., с. 18). Новый вариант тоже не дает понятия о «трехи», которые являются легкой обувью, но никак не башмаками. Так что, на наш взгляд, перевод Н. Хачатурян здесь более всего подходит: «На ногах была легкая и бесшумная обувь, сплетенная из конского волоса». (82 г., с. 17).

В другом контексте то же слово «трехи» переведено А. Н. Дубровиной и И. Эриванцяном как «чувяки»: «Роскошные чувяки, сплетенные из разноцветных шелковых нитей, были мягки, как лапы кота...» (46 г., с. 20) —

«Գունավոր էին և նրա նախշուն տրեխները, որ պատրաստված էին գույնզգույն մետաքսյա թելերից և կատվի թաթիկների նման, ոտքերը գետնին դեելու ծամանակ ձայն չէին հանում»: (25)

Слово «чувяки» — факт общерусской лексики, понятное всем, к тому же имеет обобщенно-восточный характер. По толковому словарю русского языка оно обозначает «мягкие туфли без каблуков (в Крыму и на Кавказе)». При переводе слова «трехи» областным словом «чувяки» теряется представление о реальной обстановке действия.

Дальше, во втором издании, слово «чувяки» заменяется словом «чоботы». Замена этой реалии украинизмом «чоботы» (что по толковому словарю означает сапог, башмак) представляется совершенно неприемлемой хотя бы потому, что «чоботы», т. е. сапоги, не могут быть сплетены из шелковых нитей: «Роскошные чоботы, сплетенные из разноцветных шелковых нитей, были мягки, как лапы кота, и не производили при ходьбе ни малейшего шума» (с. 24, 50 г.). Кроме того, украинизм «чоботы» вносит диссонанс в текст об Армении IV века.

Н. Хачатурян опять перевела реалию «трехи» в этом контексте как «обувь»: «Яркой была и обувь, плетенная из разноцветных шелковых нитей и придававшая походке кошачью мягкость и бесшумность...» (82 г., с. 22). Здесь контекст в достаточной мере поясняет, какого рода обувь имеется в виду. И уж, действительно, это не чоботы.

Итак, здесь мы встречаемся с переводом реалии ее родовым, обобщающим понятием, при этом неизбежна утрата конкретности, что в какой-то мере возмещается контекстом. Подобный способ перевода возможен, если в данном контексте слово-реалия употребляется в широком смысле, как обозначение вещи этого рода вообще.

Как отмечалось выше, реалии вносятся в переводы там, где их нет. Так, в переводе Н. Хачатурян читаем: «Какой-то человек то беспокойно шагал по комнате, то ненадолго присаживался на тахту и нетерпеливо устремляя взор на двери» (82 г., с. 60).

«Մի տղամարդ, անհանգիստ կերպով, երբեմն անցուզարձ էր անում սենյակի մեջ, երբեմն նստում էր բազմոցի վրա, և նրա անհամբեր աչքերը դառնում էին դեպի դռները»: (65)

В оригинале вместо реалии «тахта» имеем *բազմոց*, что означает кресло или диван,

¹⁵ Иржи Левый. Искусство перевода. М., 1974, с. 129.

как, кстати, и перевели это слово А. Н. Дубровина и И. Кусикьян. Н. Хачатурян в переводс романа очень часто применяет реалию «тахта». Очевидно, знание быта и специфики армянской жизни навело переводчицу на мысль об этой реалии, к тому же, на наш взгляд, для русского читателя диван и кресло—западные реалии, обусловленные где-то современным образом жизни.

Широкое применение аналога для передачи специфических реалий романа «Самвел» нам кажется вполне оправданным, ибо не обязательно перегружать переводное произведение иноязычными словами, если им находятся более или менее полноценные замсны в языке перевода. Ведь задачей переводчика является также достичь наибольшей естественности и органичности языка перевода.

Все эти способы применяются в сочетании друг с другом, что дало возможность избежать, с одной стороны, утраты национальной специфики произведения в переводе, и, с другой стороны, перегрузки переводного текста иноязычными словами.

Выбор способа передачи слов-реалий определяется ролью и местом их в языке оригинала, значением этих слов для языка художественного произведения, то есть лингвистическими и эстетическими функциями слов-реалий в лексике оригинального произведения.

Одним из факторов, способствующих полноценности передачи слов-реалий, является контекст, поскольку реалия неотделима как от окружающей ее словесной ткани, так и от произведения в целом.

Լ. ՏԵՐ-ՍԱՐԳՍՅԱՆ.— Հայերեն բնիկ բառերի ուսերեն քարգմանելու ձևերի վերլուծություն (Բաֆֆու «Սամվել» պատմական վեպի քարգմանությունների նյութերի հիման վրա).— Քննարկելով Բաֆֆու «Սամվել» պատմավեպի ուսերեն թարգմանության երեք տարբերակ (Ա. Գուրրովինայի, Ի. Կուսիկյանի, Ն. Խաչատրյանի թարգմանությունները) հեղինակը նկատում է բնիկ հայերեն բառերի թարգմանության տարբեր ձևեր, որոնցից հիմնականներն են փոխառությունը և հասկացությունը համապատասխան բառով փոխարինելը: Ն. Խաչատրյանի թարգմանությանը հատուկ են բուն հայկական բառերը թարգմանելու ավելի բազմազան ձևեր: Այդ բոլոր ձևերը թարգմանությունների մեջ օգտագործվել են իրար զուգահեռ, որի շնորհիվ, մի կողմից, թարգմանված տեքստում պահպանվել է ազգային մթնոլորտը, և, մյուս կողմից, այն չի ծանրաբեռնվել օտարալեզու բառերով: Բնիկ ազգային բառերի լիարժեք թարգմանությանը նպաստող կարևորագույն գործոններից է ստեղծագործության տվյալ հատվածի լեզվական միջավայրը: